

Caucasian Regional Studies

The International Association For Caucasian Regional Studies
Law Politics Sociology Economics Modern History International Relations

Caucasian Regional Studies, Vol. 4, Issue 1, 1999

МУСУЛЬМАНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ КАВКАЗЕ: ДАГЕСТАНСКИЙ ВАРИАНТ

Владимир Бобровников*

Введение

После распада Советского Союза города и селения Дагестана охватило движение за национальное и исламское возрождение. Но в общественном и экономическом устройстве республики сохранился ряд институтов, появившихся в советскую эпоху, таких как колхозы и совхозы, единое среднее образование, государственное медицинское обслуживание и проч. Национальное устройство Дагестана, как мы увидим ниже, также является наследием советской эпохи. Чем объяснить такую удивительную устойчивость советских институтов и ценностей в Дагестане 1990-х годов? Есть ли какая-то связь между сохранением этих структур и подъемом мусульманского национализма в последние годы? Что можно сказать о возможном влиянии советского наследия на будущее постсоветского Дагестана?

Эти вопросы будут рассмотрены в данном исследовании (*). В ключевое для работы понятие национализм я вкладываю смысл, утвердившийся за ним в современной этнологии и других социальных науках. Под национализмом понимаются социальные и культурные процессы, объединяющие людей в крупные национально-государственные общины. Такие общины существуют не вечно; они присущи современным индустриальным и индустриализирующимся обществам (1). Цель данной работы – доказать мою гипотезу о том, что в дагестанском случае социально-экономические и культурные “корни” национальных общин появились в советскую эпоху. Поэтому я называю эти корни *советскими традициями*. Как известно, советская власть всегда была решительным противником любых движений под националистическими лозунгами. Начиная с 1920-х годов дагестанцы перенесли от нее немало национальных и религиозных преследований. Но с другой стороны, глобальные

советские реформы способствовали складыванию среди мусульман Дагестана национальных общин и националистического сознания. Их следствием стала этно-политическая интеграция небольших этнических общин горцев, а также формирование постоянных экономических и культурных связей между тремя основными историко-географическими зонами Дагестана – Горами, Предгорьями и Плоскостью.

Местные и советские корни мусульманского национализма в Дагестане

МУСУЛЬМАНСКАЯ ДЕРЕВНЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ДАГЕСТАНЕ

Современные ученые пришли к выводу, что нынешние этнические и социально-экономические признаки дагестанских зон в основном сложились к XIX в. (2). Горы, к которым относятся 37% площади и 21 сельский район постсоветского Дагестана, до революции 1917 г. населяли мусульманские народы кавказской языковой семьи. Основным занятием горцев было террасное земледелие, сочетавшееся с отгонным скотоводством. На зиму многие из них отгоняли скот на Плоскость. Согласно переписи 1926 г., крупнейшими этносами горцев были аварцы (176,3 тысяч чел.), даргинцы (125,7 тысяч), лезгины (112 тысяч), лакцы (39,9 тысяч) и табасаранцы (31,9 тысяч) (3).

Кроме того, тут жило более десятка этнических меньшинств, также говоривших на нахско-дагестанских языках. Это были одноаульные народы (вроде арчинцев, бежтинцев, ботлихцев, кубачинцев, тиндинцев и хваршин) либо этносы, состоявшие из нескольких селений (как багулалы и чамалалы). До русского завоевания горские народы образовывали этнотерриториальные, экономические и военные союзы, которые русские дореволюционные авторы называли “вольными обществами”, а сами горцы бо (аварск.) или хураво (даргинск.). Языками межнационального общения горцев были аварский (*болмацI* – “общий или войсковой язык”), лакский или казикумухский и лезгинский (4).

Плоскость занимает 51% территории и 10 районов современного Дагестана. До революции она принадлежала оседлым тюркоязычным мусульманским народам, занимавшимся земледелием и скотоводством. В *Предгорьях* центрального и северного Дагестана жило этнически неоднородное население, образованное выходцами из горных и равнинных областей. Сейчас к этой зоне относятся 8 районов, охватывающих 12% территории республики. Еще с XV в. жители равнины имели довольно тесные экономические связи с горцами через Предгорья. Но в политическом отношении три основные зоны Дагестана были объединены только в конце XIX–XX вв., при российском дореволюционном и советском управлении. Северо-восточные районы Плоскости с мусульманским и немусульманским населением (до революции относившиеся к Терской области) были присоединены к республике только в 1922–

1923, и частично в 1957 г.

К 1926 г. на Плоскости господствовали три крупных тюркоязычных народа – кумыки (по переписи 1926 г., 88 тысяч чел.), ногайцы (36,7 тысяч) и дагестанские азербайджанцы (8,5 тысяч). К этому времени русские привыкли называть всех их по имени наиболее многочисленного и влиятельного этноса *кумыками*. По той же причине горцев называли *лезгинами* (5). Дагестанская деревня не имела реальной этнической и языковой сплоченности вплоть до установления советской власти. Знание литературного арабского языка (арабск. ал-луга ал-фусха) и книжная исламская культура объединяли лишь мусульманских ученых (арабск. *улама*) всех трех зон. Русский же был неизвестен подавляющему большинству местных мусульман вплоть до Второй Мировой войны.

Несмотря на рост городов и сельско-городских миграций за пределы края, сельские мусульманские народы Дагестана оставались этнически однородными самодовлеющими общинами. Их этническую чистоту охранял строго соблюдавшийся обычай эндогамии сельских общин (от арабск. джамаат) и даже отдельных кланов (*тухумов*). Устойчивость местных традиций в значительной мере объяснялась экономической автаркией селений и самоуправлением многих из них. Дагестанские джамааты могли жить замкнутой самодовлеющей жизнью благодаря полунатуральной многоотраслевой экономике. Основным принципом последней было сочетание в крестьянском хозяйстве земледелия со скотоводством, а порой также с садоводством и различными ремеслами. На рубеже XIX и XX веков крестьянская семья как правило потребляла 2/3 продукции домохозяйства. Остальные 30–40% продавались на местных рынках и ярмарках, регулярно устраивавшихся в крупнейших горных и равнинных селениях, таких как Хунзах, Ботлих, Ахты, Кумух, Кубачи, Аксай. Они являлись основными экономическими и культурно-политическими центрами края.

Принятое в 1868 г. “Положение о сельских обществах в Дагестанской области” поддерживало status quo традиционной социальной организации и обычного права местных мусульман. Вплоть до 1920-х годов российские чиновники управляли ими через словесные суды, состоявшие из мусульманских улама, придерживавшихся норм обычного (арабск. адат) и мусульманского (*шариат*) права (6). Сильное межэтническое соперничество и поземельные споры между отдельными общинами-джамаатами, а также горцев с жителями равнины препятствовали национальной консолидации дагестанцев в их борьбе против русских завоевателей XIX в. Судя по имеющимся у нас источникам, полуполитический полурелигиозный союз горцев, созданный шейхами братства (арабск. *тарика*) Накшбандийа во время освободительного движения под руководством Шамиля, и затем во время крупнейших восстаний против российского владычества в 1877 и 1918–1921 годах оказался непрочным. После их подавления горцы вновь распались на прежние малые соперничающие друг с другом общины (7).

ЭТНО-СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МУСУЛЬМАНСКОЙ ДЕРЕВНИ ПОД СОВЕТСКИМИ

РЕФОРМАМИ

Ломка институтов местной мусульманской деревни началась только в конце 1920-х годов. В 1927 г. большевики запретили сельские суды по адату и шариату по всему Дагестану. Начали преследоваться сбор доходов с мечетных земель (арабск. *вакф*) и пожертвований в пользу сельских мечетей (арабск. *закят*), а также преподавание арабского языка и курса исламских наук в сельских медресе. Этими суровыми мерами все прежние лидеры сельских этнических общин были поставлены вне закона. Наиболее активные из них были репрессированы в 1920–1940-х годах. Кроме тысяч арестованных и расстрелянных репрессии обрушились на семьи сельских старост, мулл (*дибиров*) и участников антисоветских выступлений. С 1927 г. в несколько потоков за пределы республики были высланы около 2 тысяч крестьянских семей и целых тухумов, объявленные “*кулаками*” (8).

Вслед за социальными и религиозными гонениями на мусульман советский режим приступил к проведению сплошной коллективизации: сначала на Плоскости (в 1929–1930), позже – в удаленных труднодоступных районах Предгорьев и Гор (в 1934–1939 годах). Коллективизация сопровождалась массовыми переселениями горцев из малоземельных и трудоизбыточных районов в менее заселенные и более богатые земельными угодьями районы Плоскости. До начала Второй Мировой войны в собственность мелких горных колхозов и совхозов было передано 1157 тысяч га сельскохозяйственных угодий на равнине, прежде принадлежавших помещикам (*поместья*) и государству (*казенные земли*). После ликвидации очагов малярии на Терско-Сулакской низменности в 1940-е годы советская власть организовала переселение на эти земли добровольцев из горных районов, а также посадила на них бывших кочевников ногайцев. Программа по переселению осуществлялась вплоть до начала 1970-х годов. Согласно переписи 1970 г., всего переселилось около 200 тысяч горцев-мусульман (примерно 40 тысяч семей). Горцы-переселенцы основали 76 новых селений, причем некоторые из них на месте бывших сезонных скотоводческих горских хуторов (*кутан*, *казмаляр*) (9).

Немало переселенческих аулов было образовано двумя способами, известными в Дагестане и до советской эпохи. Это либо отселение части жителей одного отдельного джамаата в селение, сохранявшее прежнее название, язык и этническую культуру, либо образование выходцами из нескольких этнически однородных аулов, села с более нивелированной этнической культурой и языком (10). По первому пути были образованы Новые Хваршини, Новая Хуштада, Ново-Саситли, Ново-Викри и другие современные переселенческие поселки на Плоскости. По второму – аварские селения Первомайское и Кокрек, лакский аул Ново-Кули, лезгинский Новый Аул, даргинский Советский Аул, ногайский Главный Сулак.

Иногда власти размещали в старых кумыкских и русских селениях (Например, в Аксае, Костеке, Чонт-Ауле, Покровском) переселенцев, относящихся к разным народам. Так прежде однородные селения Плоскости и Предгорьев были превращены в

этнически гетерогенные общины. Причем, несмотря на продолжающуюся ассимиляцию горцев и народов равнины в этом последнем случае село распадалось на две части: центр из коренных жителей и окраины, населенные переселенцами, каждая с собственной соборной мечетью и советской администрацией.

Организованное переселение сильно изменило этно-территориальную обстановку в Дагестане. Сельское население Плоскости и Предгорьев стало отличаться крайней этнической пестротой. Исторические границы между народами тут невообразимо смешались. Что же касается Нагорного Дагестана, то большинство его районов сохранило прежнюю этническую однородность, но бывшая изолированность и самодостаточность сельских общин и здесь ушли в прошлое. За более чем четыре десятилетия горцы Дагестана привыкли жить на относительно дешевом продовольствии, которое ввозилось из южной России и Украины. Кроме того, отмена в начале 1960-х годов сталинской паспортной системы, прикреплявшей крестьян к земле, вызвала массовое стихийное бегство мусульманских крестьян из неудобных для жизни колхозов и совхозов в города и за пределы республики. С 1914 по 1926 г. численность дагестанских мигрантов сократилась с 83,317 до 33,697 тысяч чел., но в 1960–1980-е годы их количество вновь выросло до 627,2 тысяч чел. Согласно переписи 1989 г., миграции охватывали 26% всего сельского населения республики (11). Опросы, проведенные мной в 1992–1995 годах в горных селениях Цумадинского района, показали, что почти 40% их постоянных жителей ежегодно выезжали весной и летом на заработки в коллективные хозяйства Ростовской области, Краснодар, Кабардино-Балкарии и Калмыкии, реже – на Украину. Из-за участия в этих миграциях женщин и подростков сельские школы в Горах стали начинать занятия только в конце октября.

Массовые переселения и миграции советской эпохи способствовали слиянию этнических меньшинств в Дагестане. Тем самым были заложены основы для проведения так называемой политики “*национальной консолидации*”. Гораздо проще управлять большими национальными общинами, чем многочисленными обособленными народами дореволюционного времени. Поэтому в паспортах и во всех советских переписях населения с 1939 по 1989 г. (12) подавляющее большинство дагестанских этнических меньшинств указывались не как самостоятельные народы, а как часть родственных им более многочисленных и влиятельных этносов.

Так 13 андо-цезских народностей и арчинцы были приписаны к аварцам. Кайтаги и кубачинцы стали считаться даргинцами. Терекменцы слились с кумыками. В Южном Дагестане была предпринята неудачная попытка слить малые народы лезгинской группы (с лезгинами. В результате этих перемен вместо 30–40 титульных дореволюционных народов появились 6 крупных национальных общин. В 1950–1960-е годы три малочисленных южнодагестанских этноса (агулы, цахуры и рутульцы) получили статус “*нации*”. Сегодня в республике имеется 10 титульных “*наций*”, включая ногайцев и четыре недагестанских народа (в первую очередь русских).

На практике национальная консолидация означала введение в начальной школе изучения “национальных” языков. В средней школе с середины 1950-х годов обучение ведется в основном на русском языке. Русский и 13 национальных языков до сих пор употребляется в делопроизводстве колхозов и сельсоветов, при публикации правительственных постановлений, в сельской и республиканской прессе. Говоры этнических меньшинств не имеют письменности и не могут использоваться в общественной жизни республики. Что же касается национальных языков, то все они пользуются единым алфавитом. Арабская графика, приспособленная для дагестанских языков задолго до революции (т.н. *аджам* горцев и *тюрки* тюркоязычных жителей Плоскости и Предгорьев), в 1927 году была заменена на латинский шрифт, а в 1937 – на видоизмененную кириллицу (13).

Усиление мобильности мусульманских крестьян вкупе с советской культурной политикой вызвали усиление традиционного многоязычия в республике. В настоящее время кроме родного языка дагестанцы обычно знают несколько местных бесписьменных говоров, один-два национальных языка, а также русский (в южных районах азербайджанский). Крестьянки и особенно дети с подростками хуже владеют языками других национальных общин. Значительно сократилось число знатоков арабского, способных говорить, читать и писать на этом священном для мусульман языке. Зато русский язык, в 1926 г. хорошо понятный только 39% дагестанцев, к 1989 г. стал вторым после родного обиходным языком для 82% горожан и 57,4% сельских жителей (в переселенческих аулах им свободно владеют до 60–70% жителей) (14).

Собранные мной полевые материалы обнаружили одну интересную черту этнического самосознания современных мусульманских крестьян. Оказалось, что местные этнические культуры вопреки ожиданиям теоретиков советских реформ не были полностью искоренены. Просто они значительно изменились в советском обществе. Сейчас этническое самосознание дагестанцев состоит как бы из нескольких “уровней”: местного, национального и общедагестанского. Как и до революции, у себя в селении горцы или жители равнины ощущают себя частью своего родного этнического меньшинства (жителей Костека, Шиназа, Тинди и т.д.). Оказавшись в иноязычной и иноэтнической среде за пределами родного села они превращаются в представителей своей национальной общины (аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин и проч.). Причем, как горцы так и равнинные жители обычно добиваются поддержки и защиты со стороны горожан и городских властей, взывая к чувству их общей национальной солидарности (аварской, кумыкской, лезгинской и т.д.). За пределами своей республики мусульманские крестьяне отождествляют себя с дагестанцами. В этом последнем случае языком их общения служит русский (или азербайджанский).

Эти факты свидетельствуют об устойчивости местной этнической идентичности мусульманской деревни. Основные элементы определяющих ее этно-социальных институтов и ценностей сохранились с дореволюционных времен. Несмотря на распад тухумов в Горах до сих пор практикуется аульная эндогамия.

Собранные мной полевые материалы говорят о тайном преподавании арабского языка во многих горных аулах. Крупные джамааты продолжали тайно использовать свои словесные мусульманские суды для разбора поземельных и наследственных тяжб между колхозниками. Колхозные и совхозные бригады переняли традиции родственной и соседской взаимопомощи во время страды или при строительстве дома (аварск. *гвай*, даргинск. *билкъа*, кумыкск. *булкъа*, лакск. *марша*, лезгинск. *мел* и т.д.) (15). В конце 1940-х годов по всему Дагестану возобновились празднования ряда полурелигиозных полуземледельческих празднеств, казалось бы исчезнувших в годы коллективизации, таких как *Праздник первой борозды*, *Праздник цветов*, *Навруз Байрам* (16). В 1940–1950-е годы советская власть вынуждена была официально разрешить их. В то же время чисто религиозная культура и институты мусульманского села оставалась под запретом до конца 1980-х годов. Затем начался период мусульманского бума, который мы рассмотрим ниже.

С другой стороны, несмотря на сохраняющуюся среди дагестанских крестьян приверженность к местным традициям, последние испытывают все большее влияние национальных институтов и ценностей больших городов. В настоящее время на Плоскости и в Предгорьях имеется уже не 4 города, как в дореволюционное время, а 8. Советская политика индустриализации способствовала росту городского населения с 85,1 в 1926 г. до 786,7 тысяч в 1989. Сейчас к нему принадлежат 43,6% всех дагестанцев (17). Удобства городской жизни, возможности получения лучшего образования и более высокооплачиваемой работы привлекает часть сельской молодежи в города. Проводя полевые обследования, я не раз наблюдал, как сельские подростки восхищаются городской жизнью, считая горожан своей национальной общины более “шикарными” и удачливыми, чем деревенских жителей.

Родители этих подростков хорошо сознают, что в действительности сельскими этническими общинами управляют более крупные городские объединения. Еще недавно это осуществлялось через систему местных советов, а также отделения КПСС. При советской власти положение колхозника за пределами своего родного села зависело как от языка, на котором он говорил, так и от “нации”, к которой он принадлежал. Национальная община могла занимать высокое или низкое место в подвижной национальной иерархии, неофициально существовавшей в Дагестане с 1920-х годов.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ В СОВЕТСКОМ ДАГЕСТАНЕ

В 1920–1930-е годы политика “коренизации” управленческого аппарата позволила заменить дореволюционных русских чиновников Дагестана местными национальными кадрами. Благодаря этому кланы лезгинских революционеров, их родственников и земляков проникли в высшие партийные структуры. Кумыки добились преобладания в Народном комиссариате земледелия. Азербайджанцы захватили в свои руки могущественный комиссариат внутренних дел (ГПУ–НКВД) (18).

Вместе с тем, московские власти, испытывая извечный страх перед

“происками буржуазных националистов” на Кавказе, привыкли помогать одной национальной группе против другой, более могущественной и опасной. Вследствие такой политики в конце 1930-х годов владычество лезгинских кланов сменилось тут властью азербайджанских коммунистов. С конца 1940-х до 1990-х годов власть в республике удерживали аварцы (19). При них неаварцы не имели доступа к властным структурам республики, поскольку их национальные общины вынуждены были подчиняться аварской номенклатуре. Лезгинам в свою очередь пришлось покориться азербайджанцам. В южном Дагестане и особенно в Азербайджане, где проживает две трети лезгинского народа (от 500 до 670 тысяч чел.), азербайджанские чиновники лишили их многих гражданских прав, а также возможности свободного использования национального языка. Из-за этого к настоящему времени более 200 тысячам азербайджанских лезгин пришлось присоединиться к национальной общине азербайджанцев. Кроме того, в 1960–1980-е годы небольшие южнодагестанские народы рутульцев, агулов и цахуров окончательно отделились от притесняемых лезгин с их низким национальным статусом и сформировали самостоятельные национальные общины (20).

Последние изменения в национальной иерархии республики произошли после распада советского государства в 1991 г. Тогда просоветски настроенные аварские власти Дагестана потеряли поддержку как российских властей, так и КПСС, утратившей былую власть и временно запрещенной после поражения августовского Пutschа 1991 г. в Москве. В то же время к 1995 г. большая часть высшей партийной номенклатуры смогла устроиться в Народное Собрание Дагестана, заменившее распущенный Верховный Совет. Аварское лобби здесь все еще весьма могущественно. Однако все попытки бывших советских лидеров контролировать внутреннюю обстановку в республике провалились. Неаварские национальные общины перестали подчиняться аварским кланам в правительстве. Значительно вырос уровень преступности, захлестнувшей крупные города, особенно Махачкалу и Хасавюрт. Аварские власти не смогли обеспечить безопасность даже членам парламента республики, среди которых немало аварцев. В частности, убийца аварского народного депутата М. Сулейманова и организаторы покушений на жизнь члена нынешнего правительства Гаджи Махачева так и не были обнаружены (21).

В 1991–1992 годах из-за ослабления еще существовавшей тогда советской власти в городах образовалось несколько независимых демократических партий. Вместе с исламскими движениями деревни они образовали сильную оппозицию просоветскому аварскому лобби. В июне 1991 г. даргинское религиозное объединение *Джамиа тул муслими* вместе с *Исламской партией возрождения* и другими исламскими группировками провели массовый митинг в Махачкале. Они потребовали от дагестанского правительства снятия препон с проведения хаджжа и снижения его издержек для дагестанских мусульман (22).

Горожане, многие из которых родились и выросли в деревне, оказались расколотыми на несколько антагонистических

национальных группировок. Так, с 1991 по середину 1992 г. кумыки боролись с аварцами, чеченцы организовали антилакскую и антиаварскую оппозицию, лезгины противостояли азербайджанцам. Впоследствии все эти городские группировки провозгласили себя “национально-демократической оппозицией прокоммунистическому Верховному Совету”. Летом 1991 г. большинство из них объединились в едином Комитете, который провел два массовых митинга в Махачкале и Хасавюрте в августе и сентябре 1992 г. Оппозиция требовала перевыборов правительства и выведения из республики российских внутренних войск, введенных на территорию северо-восточного Дагестана весной 1992 г. (23).

СОВЕТСКИЕ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЭТНИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ МУСУЛЬМАН ДАГЕСТАНА

Распад Советского Союза вызвал не только перестройку национальной иерархии, но и быстрый рост националистических и мусульманских настроений в Дагестане. Обычно в дагестанской и российской демократической прессе этот процесс оценивается как “начало быстрой десоветизации общества”. Казалось такое представление совершенно справедливо. Действительно, в 1990-е годы жители деревни и городов снесли большинство памятников Ленину, советским и партийным руководителям. В городах многие улицы были переименованы в честь имама Шамиля, Али Каяева и других местных мусульманских героев. Почти все газеты и журналы сменили свои одиозные советские названия. К примеру, аварская газета Цумадинского района “*Колхозник*” превратилась в “*Цумадиезул гъаракъ*” (аварск. “Голос цумадинцев”), популярная республиканская аварская газета “*БагIараб байрахъ*” (аварск. “Красное знамя”) стала называться “*ХIакъикъат*” (аварск. “Истина”). Политические лидеры большинства ориентаций открыто отказываются следовать ценностям минувшего советского периода. Мечети, закрывавшиеся при советской власти, вновь возвращаются верующим. Общее число действующих мечетей с 1988 по 1998 г. выросло с 27 до более чем 2000 (24). Все эти факты, казалось бы, говорят об исчезновении советской системы в Дагестане.

Но на самом деле, как убеждают меня данные, собранные во время полевых обследований дагестанской деревни, советские традиции намного прочнее, чем они кажутся при поверхностном взгляде. Недавняя “десоветизация” уничтожила только советскую символику и официальную советскую идеологию. Она не затронула ряда важных духовных ценностей и социальных институтов, оставшихся от советского времени. Для того, чтобы определить значение минувшей советской эпохи для будущего национального и социального развития Дагестана, я предлагаю рассмотреть три существенных для этой проблемы предмета: современные политические движения, менталитет и этнические конфликты.

МУСУЛЬМАНСКАЯ ДЕРЕВНЯ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЯХ ГОРОЖАН

Во-первых, отмечу, что как национальные движения в городах, так и исламские движения в сельской местности возникли внутри макросоциальных национальных общин, обязанных своим существованием радикальным советским реформам. В городах аварской национальной интеллигенцией было создано несколько групп, позже объединившихся в *Народный фронт им. Имама Шамиля*. Таким же способом были образованы кумыкский “Тенглик”, лезгинский “Садвал” и *Движение чеченского народа*. Большинство из этих организаций представляют интересы крупных национальных общин, при советской власти занимавших высшие ступени в национальной иерархии республики. Теперь они пытаются вернуть себе власть над республикой или же разделить ее на несколько независимых национальных государств. У лакского народного движения “Кази-Кумух”, даргинского “Цадеша”, рутульского “Намуса”, общества “Табасаран” не столь радикальные цели. Эти партии добиваются только национально-культурной автономии и сохранения за своими национальными общинами земель, полученных горцами при переселении. Таким образом, в целом национальная оппозиция горожан, подобно прежним национальным кланам советской номенклатуры, защищает интересы и этническое единство основных национальных общин Дагестана. Более того, национальные кланы и сельские землячества, прежде захватившие в свои руки советские властные структуры, теперь составляют социальную базу национальной оппозиции. В частности они обеспечили ее лидерам массовую поддержку митингов 1991–1993 годов (25).

В сельской местности политическая деятельность национальных общин завуалирована исламом. В настоящее время массовый энтузиазм, вызванный подъемом народного ислама, добившегося полной религиозной свободы в начале 1990-х годов, способствует объединению и политической мобилизации крестьянства. Центром движения за мусульманское возрождение стали сельские районы северо-восточного Дагестана. Здесь общины аварцев, даргинцев и кумыков создали ряд исламских партий разной политической ориентации. Упомянувшиеся выше аварская *Партия исламского возрождения* и даргинское движение *Джамиатул муслими* объединили несколько тысяч человек из радикально настроенной сельской молодежи. Обе партии выдвинули одинаковые лозунги религиозного и политического суверенитета для своих национальных общин. Структура партий напоминает организацию фундаменталистского движения “*Братьев мусульман*” в современном арабском мире (26). Но в Дагестане фундаменталисты не играют решающей роли.

Подавляющее большинство мусульманских крестьян осуждает их действия. Их симпатии лежат на стороне местных мусульманских ученых и мулл (*улама, дибиров*), занимающих проправительственную позицию. В случаях поземельных и иных местных конфликтов джамааты нередко поручают им защищать интересы своих общин. Следует отметить, что традиционное мусульманское “духовенство” также оказалось расколото по национальному признаку с самого начала постсоветского периода. На первом съезде мусульман Северного Кавказа, состоявшемся в мае

1989 г. в г. Буйнакске, был низложен муфтий Геккиев, скомпрометировавший себя сотрудничеством с органами госбезопасности. Духовное управление мусульман Северного Кавказа несколько месяцев просуществовало без руководителя и в начале 1990 г. распалось на несколько самостоятельных республиканских ветвей.

В свою очередь, *Духовное управление мусульман Дагестана* (ДУМД) раскололось на ряд национальных общин на III съезде мусульман республики, состоявшемся в Махачкале в феврале 1992 г. ДУМД возглавил один из лидеров оппозиционной аварской *Исламско-демократической партии Дагестана*, ректор Исламского института в Кизилюрте С.-А. Дарбишгаджиев. Однако его поддержали только джамааты аварцев, а также религиозно индифферентные табасаранцы, да небольшая часть даргинцев и чеченцев. Вскоре после съезда возникли самостоятельные в Махачкале и даргинский *Казият* в Избербаше. Во главе их встали бывшие руководители общедагестанского ДУМД – кумык Багаутдин-хаджжи и даргинец Абдулла-хаджи (27). Так, все политически активные национальные общины Дагестана – аварцы, кумыки, лакцы, лезгины и даргинцы, – создали свои собственные самостоятельные политические и религиозные организации.

Вышеприведенные факты показывают, что в отношении внутриэтнических структур советское наследие играет важную и отнюдь не чисто разрушительную роль. Переплетение в современных сельских и городских движениях местных этнических, национальных и советских институтов и ценностей упрочивает внутреннюю сплоченность национальных общин, усиливает связи между составляющими их этническими группами. Такое переплетение определяет общественное поведение и политическую деятельность мусульманского крестьянства. В ходе полевых обследований я обнаружил, что в деревне местные этнические интересы для крестьянина обычно важнее национальных. Наоборот националистические и религиозные притязания возникают в городах и в районах с этнически неоднородным населением. Оказываясь здесь, крестьяне часто ищут поддержки своих национальных общин, вступая в националистические движения.

В политической мобилизации колхозного крестьянства Дагестана значительную роль также играет ислам. Порой он оказывает весьма конструктивное влияние на развитие социально-политической обстановки в деревне, помогая сельской администрации избежать хаоса и беспорядков. В 1990-е годы немало сельских дибиров было избрано в сельские администрации. Наиболее популярные из них стали депутатами Народного Собрания, а также состоявшегося в ноябре 1992 г. в Махачкале Конгресса народов Дагестана (28). При помощи ислама бывшие советские институты, теперь способствующие консолидации титульных национальных общин, приобрели в глазах населения немалый моральный престиж, традиционно связывавшийся с местными мусульманскими лидерами.

Во-вторых, следует отметить сильное влияние советского наследия на националистическое самосознание мусульманских крестьян. Проводя полевую работу в Дагестане, я был крайне удивлен, обнаружив, что мои респонденты, несмотря на свою приверженность к исламу и местным традициям горцев, невольно разделяют некоторые взгляды на нацию и государства, принятые в официальной советской идеологии. В советскую эпоху колхозники вынесли из средней школы и средств массовой информации немало советских идеологических клише. Русификация национальных языков ввела в них целый пласт современной политической и научной лексики. Согласно недавним исследованиям лингвистов, эта лексика на 40–60% состоит из русизмов или, точнее говоря, “советизмов”. Среди нее встречаются такие заимствования и кальки с русского, как “партия”, “революция”, “собрание”, “учреждение”, а также кумыкское *иш гуьн* (трудодень), лезгинское *хкягьунар* (выборы) (29). Таким образом, можно сказать, что после советских реформ русский в значительной мере заменил арабский в роли общедагестанского средства политического и культурного общения.

Гораздо более существенными кажутся идеологические заимствования. Так, крестьяне усвоили вульгаризованное в советское время марксистское понятие “колониальной эксплуатации” нерусских народов в царской России. Затем они представили себе советскую власть как наследника русской “колониальной” политики. Отсюда уподобление постсоветских московских властей “русскому империализму”, извечному угнетателю инородческих “мусульманских наций”. С другой стороны, дагестанцы по опыту знали, что подчинение Москве обычно несло для них и некоторые выгоды, такие как “порядок”, внутреннюю стабильность общества, земли для безземельных горцев и проч. Поэтому в их отношении к советскому строю до начала 1990-х годов чувствовалась определенная противоречивость.

Крушение СССР в 1991 г. и последующее исчезновение при Ельцина контроля над Дагестаном центральных партийных и советских властей подорвали авторитет русских в республике и вызвали к жизни комплекс национальных обид на “русских угнетателей”. Потеряв почти все выгоды, которыми они пользовались при советской власти, мусульманские крестьяне начали обвинять оказавшихся у власти московских “демократов” в “угнетении и дискриминации дагестанских мусульман”. Стремление к национальному и религиозному суверинитету парадоксальным образом сочетается в их сознании с отчетливой ностальгией по “твердой власти в стране”, как во времена Сталина, Андропова или Брежнева. Свой идеал многие дагестанцы видят теперь не в постсоветской России, а в республиканской Турции, где, по их мнению, удачно сочетаются господство ислама, светское государство и относительное благосостояние. В из зарубежных политических деятелей наибольшей популярностью в Дагестане пользуется президент Ирака Саддам Хусейн, в политической программе которого переплетаются популистские, исламские и просоветские

лозунги.

Анализ менталитета крестьян Дагестана, недавно окрасившегося в исламские и националистические тона, неплохо показывает сложное слияние в местном постсоветском самосознании элементов трех разных мировоззрений – советского, национального и исламского. В нем несомненно присутствует несколько видоизмененное советское восприятие современных национальных и государственных проблем. Вероятно, еще на протяжении по крайней мере двух-трех поколений советское наследие будет определять ход развития мусульманского национализма жителей мусульманской деревни и выходцев из нее. В случае возникновения столкновений между разными национальными общинами обстановку в республике может обострить имеющая немалую разрушительную силу идея “национальных обид”, также являющаяся наследием советской эпохи.

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В МУСУЛЬМАНСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Опасные последствия советской эпохи обнаружились в мусульманской деревне в ходе нескольких сельских конфликтов, случившихся в Дагестане в 1991–1997 годы. Эти конфликты представляют третьим серьезным итогом советских преобразований для дагестанского крестьянства. До конца 1980-х годов они оставались в скрытом состоянии. В настоящее время можно разделить эти, уже перешедшие в открытое противостояние, конфликты на три типа: по поводу национальных земель, миграций и диаспоры.

Первый тип межэтнических конфликтов, несомненно, наиболее опасен. Его очагом стали северо-восточные и северо-западные районы Плато и Предгорья. Здесь переселение горцев наложилось на проведенную в феврале 1944 г. насильственную депортацию всех проживавших тут чеченцев в Казахстан. В 1957 г. исторические чеченские территории в Дагестане были возвращены им за исключением Казбеговского и Ауховского (ныне Новолакский) районов, оставленных за лакскими переселенцами. На третьем Съезде народных депутатов республики было решено восстановить чеченский Ауховский район и перенести Новолакский район на кумыкские земли Плато, на что было получено согласие как лакских переселенцев, так и коренного кумыкского населения (30).

Августовский путч 1991 г., а затем затяжная российско-чеченская война 1994–1996 годов заставили власти отложить осуществление этого решения на несколько лет. Тем временем вследствие инертности и безответственности федеральных и дагестанских властей чеченские кланы, стоящие во главе Оргкомитета по восстановлению Ауховского района, всячески поощряли захват земель района семьями чеченцев-аккинцев, чьи родственники были депортированы отсюда в 1944 г. В ответ на это лакские власти района приостановили массовое переселение лакцев, но так и не смогли предотвратить самовольное поселение чеченцев на

территории района. В сентябре 1991 г. российские и дагестанские власти заключили соглашение с обеими конфликтующими сторонами и смогли временно предотвратить дальнейшие чечено-лакские столкновения. Однако в конце 1992 г. конфликт вновь разгорелся. К 1998 г. чеченскими семьями захвачено уже более 450 участков. На них быстро возводятся дома. Правительство Чеченской республики сначала при Д. Дудаеве, затем при А. Масхадове оказывало аккинцам немалую экономическую помощь. Средства массовой информации Чечни не раз заявляли о том, что пора “изгнать с исторических чеченских земель лакских, аварских и даргинских переселенцев” (31).

Кроме того, на Плоскости разгорелся ряд поземельных конфликтов между кумыками и сельскими общинами горцев (аварцев и даргинцев), переселенных на кумыкские земли после 1957 г. Эпицентрами таких конфликтов обычно являются селения со смешанным населением, состоящим из коренных жителей и переселенцев. Так, когда начало раздела колхозных земель на приусадебные участки зимой 1992 г. вызвало ссоры и даже драки в кумыкских селениях Хасавюртовского района Костек и Аксай, ногайском поселке Махачкалинского района Главный Сулак (32). Кумыкское народное движение пыталось сыграть на этих столкновениях в своей борьбе с национальными движениями аварцев и лакцев. В сентябре 1992 г. оно устроило палаточные городки в Махачкале и ее окрестностях и провело здесь два массовых митинга. “Тенглик” потребовал остановить планировавшееся тогда переселение лакцев в кумыкские районы Плоскости, а затем провести национально-территориальное разграничение земель основных национальных общин республики (33). В ближайшем будущем подобные трения между национальными лидерами горцев и народов равнины могут значительно ослабить временно единую национально-демократическую оппозицию правительству Дагестана.

Все эти случаи поземельных межэтнических конфликтов следствие административного этнического деления, проведенного на Плоскости и в Предгорьях в 1940–1950-е годы. Не похоже, чтобы их удалось решить в ближайшее будущее. Дело в том, что вследствие переселений и миграций советского времени этническая структура большинства сельских районов тут была необратимо изменена. Национальные общины равнинных и некоторых горских народов (например, лакцев) утратили территориальное единство. Мне кажется, что в силу этих обстоятельства план территориально-национального разграничения народов Дагестана является мало реальным и чреватым обострением внутривнутриполитической обстановки в республике.

Чтобы ослабить напряженность межэтнических отношений и достичь хотя бы временной стабилизации обстановки в мусульманской деревне Дагестана, властям не следует менять существующие административные границы районов со смешанным многонациональным населением. Также крайне важно избежать быстрой и непродуманной ломки советских институтов села, таких как колхозы и совхозы. Ведь большая часть перечисленных выше конфликтов была спровоцирована как раз такой ломкой. Собранные

многие полевые материалы свидетельствуют о том, что местное крестьянство само осознает всю опасность уничтожения общественных и властных институтов, унаследованных мусульманской деревней от советской эпохи. Недаром подавляющее большинство сельского населения республики проголосовало за временное сохранение советских коллективных хозяйств и прежней административной системы сначала во время первого общедагестанского референдума о земле, проведенного 28 июня 1992 г., а затем в ходе Конгресса народов Дагестана, состоявшегося в Махачкале 13–14 ноября 1992 (34).

Внутренняя безопасность мусульманской деревни также пострадала из-за обострения в 1990–1997 годах социальной напряженности за пределами Дагестана, в странах СНГ. Это вызвало серьезный кризис массовых миграций дагестанцев, а в связи с этим и дагестанской диаспоры в разных регионах бывшего Советского Союза. В дореволюционную и советскую эпохи основные миграционные потоки направлялись в центральнороссийские регионы и Азербайджан. Сейчас более 170 тысяч дагестанских мусульман, в основном аварцы, даргинцы, лакцы являются постоянными жителями русскоязычных районов Поволжья, Калмыкии, Кабарды, Ставрополя, Краснодара. Около 50 тысяч аварцев и более 500 тысяч лезгин и цахурцев проживают в северном Азербайджане (35). К тому же, существует еще и сезонная миграция за пределы Дагестана, от которой в значительной мере зависит существование селений горной зоны.

Тем самым некоторые затруднения в продолжении регулярных миграций весьма пагубно сказались на экономике и социальной стабильности мусульманской деревни, особенно в аварских, лакских и лезгинских районах, где уровень миграций (30–60% трудоспособного сельского населения) наивысший в республике. Гражданские и межэтнические войны в Закавказье, Чечне, а также в Средней Азии (Таджикистане) с ее значительной лакской диаспорой нарушили традиционные миграционные потоки в эти регионы. В Калмыкии новый гражданский кодекс, принятый в 1992 г., лишил дагестанцев ряда гражданских прав и свобод. Краснодарские казаки в течение последних пяти-шести лет запрещают аренду земель сезонными мусульманскими мигрантами. В свою очередь мусульманское общественное мнение дагестанской деревни стало крайне враждебным к уроженцам республики, исповедующим православие, в первую очередь к терским казакам (36).

В 1991–1996 годы беженцы из общин дагестанской диаспоры несомненно обострили межэтнические противоречия в республике. Гражданские войны вызвали массовое бегство лакцев из Таджикистана, небольшой аварской общины (16 тысяч чел.) из горной Грузии, кумыкских мигрантов из Чечни. Большинство семей беженцев вернулись в города и села своей исторической родине. Массовая отправка лезгинских новобранцев на Карабахскую войну вынудила их бежать за пределы Азербайджана, к своим родственникам в Дагестане. Беженцы образовали наиболее взрывоопасную часть сельского и городского общества республики. Любая причиненная им обида способна “взорвать” их. Так,

объявление российских властей о закрытии границ с государствами Закавказья вызвало массовые митинги лезгин в августе и сентябре 1992 г. и позднее в апреле 1994 г. Правительство Ельцина вынуждено было пообещать им установить “прозрачную” границу между российским и азербайджанским Лезгистаном. К концу этого года подобное решение может принято о разделяющей две аварские общины грузинской границе (37).

Вряд ли эти превентивные меры способны решить проблемы миграций и диаспоры. В настоящее время общая для большинства стран СНГ склонность к усилению социальной и экономической нестабильности мешает преодолеть кризис межэтнических отношений в дагестанской деревне. Но на мой взгляд, сохранение отношений, традиционно связывавших Дагестан с другими бывшими советскими республиками, способно ослабить разрушительные последствия этого кризиса. Наиболее важными сегодня являются связи Дагестана с Россией. Последняя продолжает ввозить в республику довольно дешевое зерно и продовольствие (около 50% ежегодных поставок), а также топливо (ежегодно 20% газа и 32% нефти). Также она принимает более 3/4 дагестанских мигрантов (38).

Дагестану нужно развивать и собственное сельское хозяйство. До середины 1980-х годов советские руководители республики полностью пренебрегали развитием горной зоны, а для решения проблем трудоустройства предпочитали переселять горцев на Плоскость. Современные дагестанские экономисты полагают, что подобная политика во многом заложила основы постсоветских поземельных конфликтов (39). Первая программа подъема экономики Гор была разработана при Горбачеве, однако так и не была полностью осуществлена. Намного реальнее недавние программы “Горы” и “Зерно” (1992–1995 годов). Федеральные и дагестанские власти выделили 613 миллионов рублей на возрождение террасного земледелия, повышение уровня жизни в горной зоне и развитие легкой пищевой промышленности в 24 сельских районах (включая Горы и Предгорья) (40). Осуществление этих проектов должно сократить уровень миграций и безработицы в горных селениях. Перспектива освоения 12 тысяч га сельскохозяйственных угодий, заброшенных в советскую эпоху, может ослабить поземельные конфликты между различными национальными общинами. Однако ныне непрекращающаяся инфляция в России стала серьезным препятствием на пути осуществления обеих программ. Положение может быть исправлено только в случае привлечения к проектам частных спонсоров, возможно из многочисленной дагестанской диаспоры Турции. Такими мерами через 15–20 лет дагестанская деревня, может быть, и сможет преодолеть наиболее губительные последствия советской эпохи.

Заключение

Кратко основную идею нашей работы можно сформулировать следующим образом: похоже, что советские традиции еще долго будут определять судьбу этнических институтов мусульман

Дагестана, а также развитие поземельных, миграционных и диаспорных конфликтов. Несмотря на официальные заверения об “отсутствии национальных противоречий” и “национальном равноправии в СССР” в советском Дагестане с 1920-х годов существовала скрытая иерархия макросоциальных национальных общин. Причем, вопреки надеждам советских чиновников, местные этнические и религиозные культуры, похоже, не были полностью разрушены. Вместо этого их духовные и социальные структуры были поглощены советскими институтами и в результате образовали довольно сложное соединение советских, мусульманских и местных традиций. После распада Советского Союза дагестанский город и деревню охватило движение за национальное и религиозное освобождение. При этом, мусульманское самосознание и этнические институты в действительности по-прежнему значительно зависят от национальных общин, сложившихся в советское время. Подвижная национальная иерархия в отличие от советской эпохи теперь выступила на первый план.

Примечания

***Владимир Бобровников** является старшим научным сотрудником отдела стран СНГ Московского Института востоковедения РАН.

**Основными источниками исследования являются материалы полевых обследований автора, проводившихся в разных районах Дагестана в 1992–1995 годах, а также архивные материалы, собранные архивах и библиотеках Махачкалы и Москвы.

-
1. См., например: Smith, Antony D. *Theories of Nationalism*. London, 1979; Hobsbaum, E.J. *Nations and Nationalism since 1730*. Cambridge, 1990, p. 9.
 2. Гурлев И.А. *Природные зоны Дагестана*. Махачкала, 1972, с. 22; Османов М.-З.О. *Формы традиционного скотоводства у народов Дагестана в XIX – начале XX в.* Москва, 1990, с. 49.
 3. *Всесоюзная перепись населения 1926 года*. Москва, 1928, т. 5, с. 342.
 4. *Языки народов СССР*. Т. IV, Москва, 1967, с. 248; Агларов М.А. *Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX века*. Москва, 1989, с. 198–202.
 5. *Всесоюзная перепись населения 1926 года*, т. 5, с. 346; Гаджиева С.Ш. *Кумыки*. Москва, 1961, с. 45. Даже в современных языках горцев понятия “кумык” и “житель равнины” смешиваются. Так, аварцы называют кумыков “равнинными жителями” (лъарагIал). То же значение этноним “кумыки” имеет в даргинском (дирхъаланти) и лакском (арнисса).
 6. *Адаты Дагестанской области и Закатальского округа*. Тифлис, 1899, с. 28–29, 31–39; Лавров Л.И. *Этнография Кавказа*. Ленинград, 1982, с. 117–118, 128–129, 144–145, 196; Агларов М.А. *Ук. соч.*, с. 119–120.
 7. *Адаты Дагестанской области и Закатальского округа*, с. 6–8;

- Леонтович Ф.И. Адагы кавказских горцев. Вып. I, Одесса, 1882, с. 26, 35.
8. История Дагестана. Т. III, Москва, 1968, р. 137, 156, 243–245; ЦГА Д (Центральный Государственный Архив Дагестана). Махачкала, ф. 172, оп. 17, д. 204, л. 1, 6.
 9. Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев переселенцев. Москва, 1988, с. 16–19; Ханукаев С.Б. Пути рационального использования сельских трудовых ресурсов Дагестана. Махачкала, 1991, с. 26.
 10. Агларов М.А. Ук. соч., с. 201; Рамазанов Р.А. Шиназ. Очерки истории и культуры древнего аула. Махачкала, 1990, с. 14.
 11. Труды Наркомзема. Серия аграрной реформы. Вып. V, Москва, 1928, с. 29; Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. 5; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Москва, 1991.
 12. См. материалы переписей: Всесоюзные переписи населения 1939, 1950, 1959, 1970, 1979, 1989 годов.
 13. Языки народов СССР. Т. II, Москва, 1966, с. 194, 280; т. IV, Москва, 1967, с. 247; Ахмедов Д.Н. Национальная печать Северного Кавказа, 1917–1937. Махачкала, 1989, с. 39, 45.
 14. Традиционное и новое..., с. 34; Лавров Л.И. Ук. соч., с. 119, 120–127, 137, 148.
 15. Традиционное и новое..., с. 249–253; Гаджиева С.Ш. Традиционный земледельческий календарь и календарные обряды кумыков. Махачкала, 1989, с. 25, 30.
 16. Там же, с. 135, 164.
 17. ЦГА Д. Ф. р-22, оп. 22, д. 56, л. 1, д. 58, л. 1; Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. 5, с. 343–345; Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года, с. 248.
 18. Архив Дагобкома КПСС (ныне включен в состав ЦГА Д). Махачкала, ф. 1, оп. 7, д. 1, л. 1, 59; Первая сессия Дагестанского ЦИК. Темир-Хан-Шура, 1922, с. 23.
 19. Даниялов А.Д. Воспоминания. Махачкала, 1991, с. 145, 169–170, 183–184; Московские новости. 12.01.1992.
 20. Даниялов А.Д. Ук. соч., с. 177; Лавров Л.И. Ук. соч., с. 148; Ризванов З., Ризванов Р. Краткая история лезгин. Махачкала, 1990, с. 30.
 21. Известия. 17.02.1992; Трибуна. Махачкала, 1992, № 8; Дагестанская правда. Махачкала, 19.09.1992.
 22. Путь ислама (ат-Тарика ал-исламийа). Махачкала, № 4–5, с. 3.
 23. Кази-Кумух. Орган Лакского народного движения. Махачкала, 1992, № 9, с. 2, 5; Маджлис. Орган Социал-демократической партии Дагестана. Махачкала, 1992, № 4, с. 1; Халкъан аз (“Голос народа”, на чеченск. яз.). Хасавюрт, 16.09.1992.
 24. Путь ислама (ат-Тарика ал-исламийа), № 4–5, с. 8; Исламские новости (ал-Ахбар ал-исламийа). Махачкала, №№. 12, 13; Новое дело. Махачкала, 14.01.1994, с. 6.
 25. Къумукъ иш (“Кумыкские дела”, на кумыкск. яз.). Махачкала, 1992, № 4, с. 1; Кази-Кумух, 1992, № 11, с. 2, № 12, с. 1, 2.
 26. Другое небо. Газета Вазифа Мейланова. Махачкала, 1991, № 1, с. 1–2; Исламские новости (ал-Ахбар ал-исламийа), 1992, №№ 13, 14.
 27. Лезгистандин хабарар (“Новости Лезгистана”, на лезгинск. яз.). Магарамдхур, 1993, № 2, с. 1, 4; Дагестанская правда.

- 19.11.1993.
28. Дружба (на русск. и чеченск. яз.). Хасавюрт, 15.09.1992; Дагестанская правда, 14.11.1992; Новое дело, 04.09.1992, с. 4.
 29. Языки народов СССР. Т. II, Москва, 1966, с. 209, 297, Т. IV, с. 268–269, 503, 521, 542–543, 559, 589, 625; Къумукъ иш, 1992, № 4, с. 2; Путь ислама (ат-Тарика ал-исламийа), № 4–5, с. 5.
 30. Дагестанская правда, 19.02.1992.
 31. Халкъан аз, 14.09.1992; Кавказский дом. Грозный, № 17, с. 1; Дагестанская правда, 12, 29.01.1994; Кази-Кумух, 31.01.1994, с. 2.
 32. Тенглик (на русск. и кумыкск. яз.). Махачкала, 1992, № 16, с. 1; Махачкалинские известия. Махачкала, 29.08.1992; Дружба, 15.09.1992; ср. Дагестанская правда, 8.03, 16.04.1994.
 33. Северный Кавказ. Нальчик, 1992, № 38, с. 6; Кази-Кумух, 1992, №№ 12, 13.
 34. Дагестанская правда, 28.06, 14.11.1992; Голос правды. Орган Партии трудящихся Дагестана. Махачкала, 1992, № 10.
 35. Лезги хабарар (Лезгинские новости). Москва, 1992, № 3, с. 3–4; Новое дело, 22.04.1994, с. 5.
 36. Зов предков. Махачкала, 1991, № 1, с. 12–15; Новое дело, 25.03, 01.04.1994.
 37. Дагестанская правда, 18, 19.09.1992, 18.02.1994; Новое дело, 29.04.1994; Лезги хабарар, 1994, № 1, с. 1.
 38. Дагестанская правда, 19.09.1992, 3.02.1994; Кавказские новости. Краснодар, 12.02.1994, с. 5.
 39. Новое дело, 1992, № 36, с. 5.
 40. Дагестанская правда, 18.09.1992, 03.02, 19.03.1994.

Back to [index](#)